

УДК 130.2

Проблемы формирования массовой культуры в контексте трансформации ценностей в постсоветской России

Пятаков Дмитрий Викторович

Соискатель,

Московский государственный областной университет,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 10а;
e-mail: metalpit@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме влияния массовой культуры на массовое и индивидуальное сознание, а также проблеме трансформации ценностей при изменениях в общественно-политическом укладе страны. Проблема рассматривается на примере современного российского общества в сравнительном анализе культурных ценностей и ориентационных установок с массовой культурой советского образца. Автор статьи выдвигает тезис о том, что основными последствиями воздействия на массовое сознание американской модели массовой культуры, которая фактически заменяет советскую массовую культуру после распада СССР, являются негативные тенденции в области индивидуальных мыслительных процессов на уровне индивидуального сознания, а также повышение уязвимости к манипуляциям извне массового сознания. Приводится сравнительный анализ ценностно-ориентационных блоков Российской и Советской моделей массовой культуры, выделяются схожие элементы и принципиальные различия. Автор подробно рассматривает ряд ценностей и выявляет их содержание в массовой культуре советского образца и современной модели. Автором аргументируется актуальность проблемы массовой культуры в современных условиях российского общества, а также необходимость подробного изучения массовой культуры советского образца, имеющей значение для значительной части населения страны.

Для цитирования в научных исследованиях

Пятаков Д.В. Проблемы формирования массовой культуры в контексте трансформации ценностей в постсоветской России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 3А. С. 70-79.

Ключевые слова

Массовая культура, массовое сознание, базовые культурные ценности, индивидуальное сознание, философия.

Введение

Понятие «ценность» вызывает постоянный интерес в научных кругах, поскольку является неотъемлемой частью культуры любого общества. Исследование ценностей как таковых и ценностных ориентаций, в частности, концентрируется в отечественной и зарубежной науке в междисциплинарном поле таких наук, как социология, культурология, аксиология, философия, политология и т.д. Однако в нашем исследовании категория «ценность» рассматривается не с общекультурных позиций, а с точки зрения массовой культуры и массового сознания. Такой подход позволяет ограничить довольно обширный перечень культурных ценностей только теми из них, которые переживают максимальную редукцию в ходе адаптации для восприятия массовым сознанием посредством продуктов массовой культуры. Для постулирования дальнейших тезисов необходимо обратиться к основной трактовке категории «ценности» в подходах, которые изложены в работах таких исследователей, как М. Вебер, Ф. Знанецкий и У. Томас.

Основная часть

В частности, М. Вебер рассматривал категорию «ценность» в качестве установки той или иной исторической эпохи», в качестве свойственной эпохе «направления интереса», то есть как исторически подвижную категорию [Вебер, 1994]. В 1920 годах прошлого столетия У. Томас и Ф. Знанецкий ввели в научный оборот еще одно значимое для нашего исследования понятие «ценностная ориентация», которое трактовалось как социальная установка личности, регулирующая ее поведение [Томас, Знанецкий, 1994].

В соответствии с приведенными выше определениями можно выявить два функциональных уровня ценности – личностный и социальный.

Если следовать рассуждениям П. Сорокина о том, что ценность является неотъемлемой частью культуры любого общества, то логично было бы предположить, что и в составе массовой культуры ценность как категория функционирует на двух уровнях – на уровне индивидуального сознания и на уровне массового. Однако, в отличие от ценности общекультурного характера, ценности массовой культуры запрограммированы как некая сиюминутная данность, являясь по сути, темпорально дискретными так же, как и массовое сознание, проявляющееся только в определенных обстоятельствах и на определенный период времени. Сложнее процесс усвоения и регулировки поведения на основе редуцированных ценностей на уровне сознания индивидуального, поскольку такое программное поведение на время отключает сознание индивида, делая его вторичным по отношению к массовому. На основе данного предположения можно выявить основные редуцированные ценности массовой культуры в советский и постсоветский период, основываясь на материале межпоколенческих опросов общественного мнения.

По материалам отечественных исследователей, проводивших эмпирические изыскания по интересующей нас теме, можно составить сводную таблицу основных ценностей советской и постсоветской культур. При этом следует использовать не только название ценностей, но и ассоциативные связи, которые порождаются ими в сознании человека на индивидуальном уровне. Также в табличной форме можно привести и критерии нормы и девиации в поведенческих установках двух рассматриваемых культур, поскольку поведение регулируется ценностным рядом.

Таблица 1 – Ценностные блоки массовой культуры

Ценностные блоки	Наименование ценности	Ассоциативный ряд	
		Советская массовая культура	Российская массовая культура
1. Идентификационный блок	Родина	СССР – единая большая страна, советский человек	Конкретная национальность, «малая Родина», Россия, Российская Федерация
	Государство	Вождь, Коммунистическая партия, ЦК КПСС, Политбюро. Бюрократический аппарат	Президент, партия «единая Россия» + Чиновники –
	Семья	Обязательная ячейка общества, находящаяся под социальным и государственным контролем	Конкретные люди, родственники, не обязательная составляющая жизни человека, не требуется для продолжения рода
2. Мироззренческий блок	Добро	Мораль, послушание, гуманизм, самооценочность человеческой жизни	Все, что доставляет удовольствие
	Зло	Нарушение общественных табу и запретов, нарушение закона, действия против государства	Все, что удовольствия лишает
	Любовь	Глубокое духовное чувство, понимание, уважение	Приравнена к сексуальности
	Сексуальность	Вторичность, сопровождение брачных отношений, продолжение рода	Приоритет, основа отношений, вне и помимо брака
3. Эстетический блок	Красота	Внутренняя гармония человека, духовность	Внешняя, атрибутивная, показная, вещная, материальная
	Уродство	Внутренняя ущербность, отсутствие духовности	Внешнее, атрибутивное свойство предметов
4. Коммуникативный блок	Межличностное общение - Дистанционное общение	Приоритет диалоговых форм. По необходимости (телефон, телеграф, почта), эпистолярный жанр	Кратковременное, немногословное, кодированная речь (сленг всех форм) Приоритет, с помощью информационных технологий, социальные сети
5. Деятельностно-социальный блок	Работа	Приоритет, обязанность, долг, удовольствие от выполнения общественно-полезной деятельности	Необходимость содержать себя и семью
	Самореализация	Осуществима через труд по специальности	Не связана напрямую с работой, альтернативна работе
	Отдых	Необходимость восстановления сил для последующей работы	Насущная потребность организма, развлечение

В таблице систематизированы данные исследований Левада-Центра за 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 гг, опубликованные в свободном доступе в сборниках статистических исследований. По приведенным выше данным, суммированных нами по принципу приоритетности каждого из ценностно-ориентационных блоков, можно сделать следующие выводы:

Анализируя соотношение ценностно-ориентационных компонент в двух модельных конструктах массовой культуры (постсоветской и советской) наблюдали совпадение только лишь в одной позиции – в идентификационном блоке при осуществлении оценки ценности «государства» в качестве фактора самоидентификации. При этом характерно проявлена корреляция следующих параметров – послушание и следование генеральной стратегии

Генерального секретаря или Президента сохраняет в массовом сознании граждан российского государства свои позиции. По мнению автора, это достигается различными способами: а) принудительным и б) манипулятивным.

Достижение импликации ценностного ряда «государство-вождь-отец народов» мы проследили в основе контекста массовой культуры советской эпохи. Это прослеживалось за счет довольно сильной компоненты идеологического плана. Однако, также было установлено и проявление культурного архетипа «вождь», который был уточнен в трактовке значения «вожак стаи». Лозунги типа «сильная Россия», к сожалению, не способны заместить идеологический фундаментализм советского периода, так как лишены одного из таких важнейших элементов как четко конкретизированная цель и направленность вектора общественного развития. При таких условиях образ президента является компиляцией двух составляющих, которые можно расценивать как заимствованные в массовой культуре советского периода, к каковым относятся «вождь» в контексте понимания его сущности как «сильного лидера» (с точки зрения современной терминологии) в качестве определенного гаранта стабильности государства и архетип «вожак». Это позволяет проявляться недопустимым (с точки зрения советского понимания) явлениям как обнародование обсуждений развода или аспектов личной жизни глав государства в средствах массовой информации. Следует также отметить, что в современном образе президента проявлено воплощение и еще одной характеристики «вожака» как архетипа, выраженной в брутальности, понимаемой как внешней силе, здоровье, сексуальной привлекательности, прочих физических достоинствах. Это формирует определенный замкнутый круг для сообщества политтехнологов, так как с каждым вновь избранным «первым лицом» «вожак» априори должен быть сильнее предшествующего. Так как образ президента содержит в основе своей реальности живого человека, то он имеет определенный биологический срок, в силу чего заимствование архетипа «вожак» может сопровождаться вновь проявлением массового психоза (на подобие того, который был вызван смертью Сталина. В этом отношении в сознании россиян не сформирован образ главы государства как функции исполнительной власти, ее излишняя персонификация угрожает дальнейшей стабильности общественно-политической системы. Именно в этом отношении можно говорить о том, что ценностно-ориентационный блок «идентификация» требует существенных корректировок, поскольку без таковых массовая культура несет в себе дестабилизирующий заряд.

В отличие от образа главы государства, выражение отношения к ценности «Родина», анализируемой в соответствующем идентификационном блоке, изменилось крайне кардинально. Радикальность таких перемен объясняется тем, что понятие «наднациональность страны» попросту исчезло, приоритетом стали обладать межэтнические связи. На втором месте в приоритетах, по данным опросов, стоит Россия, а затем уже Российская Федерация. Изменились также и поведенческие нормы: если в период советского времени межэтнические конфликты рассматривались как нонсенс, то в условиях современности данное явление стало отождествляться с некой нормальностью происходящего.

В ценностно-ориентационном идентификационном блоке изменились также приоритеты в отношении семьи. В советский период семья рассматривалась как обязательная составляющая, «ячейка общества», причем находилась фактически под постоянным общественным и государственным контролем. Развод считался позорным и скандальным явлением, невзирая на его причины. Основной задачей семьи было продолжение рода, затем уже воспитание «светского человека». В современных российских условиях произошла серьезная редукция ценности «семья», она стала восприниматься в поведенческом отношении как нечто, вовсе не

обязательное для закрепления отношений, а к продолжению рола имеет и вовсе весьма опосредованное отношение. Более того, сама семантика смысла понятия «семья» пережила серьезную трансформацию – социального института («ячейка общества») до кровнородственных связей, совершенно конкретизированного характера. То есть исчезла формализованная характеристика семьи в массовом сознании россиян. Однако, в последнее время данная проблема осознается на государственном уровне, причем предпринимается ряд попыток институционализировать семью как ценность (имеется ввиду законодательная инициатива против пропаганды однополых браков в России и выступления в защиту традиционных семейных ценностей).

В мировоззренческом блоке нами были выявлены следующие параметры: к добру (светлому началу) в советской массовой культуре относилось все, что было разрешено и одобрено общественным и государственным контролем. В современной России редуцированная ценность «добро» в массовом сознании имеет весьма размытые очертания и ассоциируется, прежде всего, с получением удовольствия. То есть носит «развлекательный» характер. Те же параметры оказались применимы и к редуцированной массовой культурой категории «зло». Кардинальные перемены произошли с ценностью «любовь», поскольку в советское время она ассоциировалась с глубоким эмоционально насыщенным восприятием, а в постсоветской массовой культуре обрела большую чем ранее «телесность», фактически сравнявшись в массовом сознании с сексуальностью.

Также следует отметить, что претерпели изменение и категории эстетические – чувство красоты, которое воспринималось как критерий прежде всего внутренней гармонии, красоты нравственной (хотя нравственная красота также была редукцией в массовой советской культуре и подчинялась общим правилам официального соцреализма как в искусстве, так и в жизни). Тем не менее, в современных условиях в массовом сознании доминирует критерий красоты как внешнего, вещного атрибута, который можно варьировать в зависимости от обстоятельств и модных веяний. Критерий «уродливости» - антитеза красоте – воспринимается так же «вещно», также становясь условным и зыбким внешне атрибутивным понятием.

В коммуникативном блоке ценностей массовой культуры выявлены две основные ценности – межличностное и дистанционное общение. При этом для советского периода существования массовой культуры был характерен приоритет межличностного общения над дистанционным, что, с одной стороны, было обусловлено малым набором технических средств (в основном использовались стационарные и таксофоны, телеграф, а также почтовая связь), а с другой – ценность межличностного общения была обусловлена соображениями безопасности, особенно во времена сталинского террора. В современных условиях, как показывают данные опросов, в большей степени используется общение дистанционное, опосредованное, которое в любой момент можно прервать – причем именно этой дискретностью определяется и семантика самой информации, передаваемой от субъекта к субъекту. Дискретность проявляется также и в межличностном общении, которое все более становится похожим на обмен короткими сообщениями в основном бытового содержания. Изменился также и язык общения – в русском языке появилось огромное множество неологизмов, причем не только калькированных и заимствованных из английского языка, но и синтетических – порожденных рекламой и СМИ. Таким образом, межличностное общение также все более «обрастает» новыми кодами, которые необходимо дешифровать для понимания сказанного.

В деятельности-социальном блоке нами выделены три основные ценности, к которым резко поменялось отношения россиян. Так, ценность работы как труда в советское время тесно

коррелировалась с ценностью самореализации, что во многом было обусловлено прямой зависимостью выбора профессии и специальности от последующего трудового распределения. Система распределения специалистов позволяла с уверенностью смотреть в будущее, а также нормировать необходимое количество тех или иных профессий, которые требовались государству для реализации политики построения «светлого будущего». При этом, разумеется, индивид фактически лишался права и свободы выбора конкретного места работы, однако с точки зрения регулирования занятости населения политика принудительного распределения позволяла не допускать безработицы в стране. Более того, при наличии статьи за «тунеядство» в советском уголовном законодательстве, труд становился гарантией не только постоянного заработка, но и включенности в социум, гарантом того, что человек не станет маргиналом и не попадет в тюрьму. Тем не менее, самореализация для советского человека воплощалась в работе и фактически носила социально-значимый характер общественно-полезного труда.

После распада СССР система распределения рабочих мест также прекратила свое существование, позволив, с одной стороны, свободно выбирать не только профессию, но и место работы, а с другой – создав конкуренцию на рынке труда (нерегулируемую конкуренцию в 90-х годах), что привело к росту безработицы, маргинализации части населения, а также утечке высококвалифицированных кадров за рубеж. В современной России работа не имеет прямых ассоциаций с самореализацией, поскольку труд является лишь необходимым средством обеспечения жизненно важных потребностей: получив образование, большинство молодых людей не могут или не хотят искать работу по специальности, что приводит к дисбалансу между системой образования и рынком труда. По поводу категории «отдых» (не будем углубляться в понятие «досуг», поскольку оно имеет более широкое и многоплановое значение) можно сказать, что в советский период отдых воспринимался как необходимость восстановления сил для последующей рабочей деятельности, в постсоветский период – как насущная потребность организма, то есть трактовка категории «отдых» стала ближе к физиологической, чем к функциональной.

На наш взгляд, наибольший стресс от резкого слома модели советской массовой культуры и перехода к массовой культуре постмодерна американского образца получило так называемое поколение 90-х, которое оказалось воспитанным на базовых принципах советской массовой культуры (коллективизм, приоритет государственного над частным, взаимопомощь, взаимовыручка, отсутствие межэтнических границ и ярко выраженных конфликтов). Эти люди составляют в настоящее время довольно большую прослойку российского населения – порядка 37% по данным Росстата (люди в возрасте 25-36-ти лет), которым пришлось резко перестраиваться в новых социально-экономических условиях. Данное поколение является «гибридным» с точки зрения ценностных ориентаций, поскольку остается носителем некоторых ценностей советского масскульта, абсорбируя параллельно постмодернистские западные ценности. В большинстве своем люди поколения 90-х в настоящее время являются квалифицированными специалистами в самых различных областях, в том числе и в политтехнологиях, являясь, таким образом, фактически творцами современной массовой культуры в России. Ценностным ориентациям данного поколения следует уделить значительно большее внимание, поскольку они обуславливают деятельность граждан самого трудоспособного возраста. Это поколение также характеризуется высокой степенью адаптивности к быстро меняющейся культурной и социально-экономической среде, причем, по мнению И.С. Гришина, именно это поколение

стало носителем и создателем редуцированных ценностей современной массовой культуры в России [Гришин, 2014]. Особый интерес представляет тот факт, что редукция ценностей в современной массовой культуре, как это видно из приведенной выше сводной таблицы, происходит на базе соответствующих ценностных ориентаций советского времени, только в совершенно альтернативной интерпретации (кроме пункта персонификации власти). Это дает основания сделать вывод о том, что современная массовая культура в России носит гибридный характер, состоя из редуцированных ценностей советского периода и постмодернистских западных ценностей американского образца (в особенности последние проявляются в эстетическом и социально-деятельностном блоках, как это показано в Таблице 1).

В настоящее время вновь обострилась общественная дискуссия о дальнейшем пути развития России. Причем предложения выдвигаются весьма кардинальные – одни исследователи призывают обратиться к традициям древности и усилить религиозную составляющую, другие требуют возврата духовного и культурного наследия советской эпохи, на базе которой, по их мнению, еще можно восстановить солидарность людей и сплоченность общества [там же].

Другие авторы, напротив, полагают, что российскому обществу требуется в настоящее время ускоренное инновационное развитие, углубление и развитие уже укоренившихся в сознании россиян западных ценностей (так называемая «вестернизация» российского общества), при параллельном развитии технологического потенциала государства [там же].

На наш взгляд, ни одно, ни другое не является полной альтернативой друг другу и вполне может быть синтезировано для целей дальнейшего развития государства. В этой связи, сравнивая массовую культуру советского и постсоветского образца в России, нельзя не вспомнить про успешный адаптационный опыт КНР, развития отношений в которой в настоящее время вновь стало считаться более приоритетным, чем в Западной Европе и США. Проблема заключается в том, что этот опыт невозможно калькировать – в Китае прагматизм и коллективизм успешно сочетаются на базовой культурной основе конфуцианства, которое не является религией в строгом смысле, но, по сути, представляет собой очень специфическую философско-мировоззренческую доктрину, аналогов которой в Российской Федерации, равно как и во всем остальном мире, нет.

По мнению ряда исследователей, советская модель массовой культуры с ее основными ценностными блоками является не удвоением реальности, а ее непосредственным конструированием в виде грандиозного симулякра. Интересно, что такой подход продемонстрирован в исследованиях зарубежных, в основном, американских авторов, рассматривающих советскую массовую культуру не как идеологический базис функционирования общества, а как способ воспроизводства символической реальности.

Однако, на наш взгляд, такое толкование советской модели массовой культуры в большей степени взято из современной ситуации в самих зарубежных странах, особенно в США, где уже несколько лет научное сообщество исследует феномен «медиакратии» и «тотальной демократии» [там же].

При этом, по мнению Л.Н. Кушиной, неправомерно отождествлять тоталитарную и массовую культуру советского периода, поскольку эти два варианта культуры скорее альтернативны, нежели идентичны. Следуя этому тезису, В.Г. Лебедева предлагает разграничить понятия «массовой культуры», «культуры масс» и «культуры для масс». По мнению автора данной концептуальной позиции, массовая культура всегда обусловлена вкусами потребителя. На наш взгляд, это не совсем так, поскольку массовая культура,

транслируемая на уровень индивидуального и массового сознания, имеет возможность самостоятельно формировать не только вкусы, но и потребности в обществе потребления.

При этом приоритет «низких» жанров в советское время имел характер ненасильственный, вполне соразмерный со здоровой психикой человека. Массовая культура советской эпохи фактически была направлена на радикальное преобразование повседневности, ориентированной не на реализацию личных корыстных интересов, а на трудовую деятельность, образование, спорт, повышение оборонительной способности государства, то есть, в конечном итоге, на укрепление советской системы.

Если при осмыслении специфики советской массовой культуры обратиться к понятиям народной и официальной культур, то можно увидеть, что именно их симбиозом была обусловлена жизнеспособность советской модели культуры. При этом следует отметить, что, в отличие от названных компонентов, народную культуру практически невозможно встроить в состав массовой путем редуцирования ценностей, поскольку ни правящая элита, ни медиа технологии не могут ее перекодировать. В силу этого в массовой культуре как советского, так и современного типа практически нет редукции ценностей народной культуры, архетипы которой, несомненно, составляют ориентационно-ценностное ядро сознания человека, выросшего в России [Беньямин, 2001; Геллер, 1985; Голомшток, 1994; Гройс, 1992; Добренко, 2007; Зоркая, 2001; Кузнецова, 2004; Лебедева, 2007; Паперный, 1983; Разлогов, 1992; Рыклин, 2002; Соколов, 2001].

Заключение

В результате можно говорить о том, что в советской модели и современной массовой культуре отличие имеет не собственно ценностный набор, но сама трактовка редуцированных ценностей, транслируемых советской и современной массовыми культурами, значительно отличается фактически по всем блокам, кроме первого. При этом значительно легче с помощью СМИ поменять оценочные суждения относительно тех или иных уже внедренных в массовое и индивидуальное сознание ценностей, нежели полностью или частично заменить какой-либо из ценностных блоков, поскольку даже в редуцированном виде ценностей массовой культуры базируются на культуре народной, стержневой для сознания россиян.

Библиография

1. Беньямин В. Московский дневник. М., 2001. 264 с.
2. Вебер М. Образ общества. Избранное. М.: Юрист, 1994. С. 627.
3. Геллер М. Машина. Винтики. Лондон, 1985. 337 с.
4. Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994. 528 с.
5. Гришин И.С. Поколение 90-х: эффект хамелеона (социокультурный анализ). М., 2014. 362 с.
6. Гройс Б. Утопия и Обмен. М., 1992. 374 с.
7. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007. 592 с.
8. Зоркая Н.М. Художественная жизнь России 70-х годов как системное дело. М., 2001. 226 с.
9. Кузнецова Е.И. Отечественная историография культуры: история и перспективы развития // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 146-168.
10. Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры в России. СПб., 2007. 356 с.
11. Паперный В. Культура – два. Мичиган, 1983. 408 с.
12. Разлогов К.Э. Коммерция или творчество: враги или союзники? М., 1992. 271 с.
13. Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М., 2002. 280 с.
14. Соколов Е.Г. Аналитика масскульты. СПб., 2001. 321 с.
15. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки. Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 344.

Problems of mass culture formation in the context of values transformation in post-Soviet Russia

Dmitrii V. Pyatakov

Postgraduate,
Moscow State Regional University,
105005, 10a, Radio st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: metalpit@mail.ru

Abstract

Article is devoted to a problem of influence of mass culture on mass and individual consciousness mass culture of the Soviet sample. Also the author of article puts forward the thesis that the main consequences of impact on mass consciousness of the American model of mass culture which actually replaces the Soviet mass culture after collapse of the USSR, negative tendencies in the field of individual thought processes at the level of individual consciousness, and also increase of vulnerability to manipulations from the outside of mass consciousness are. The problem is considered on the example of modern Russian society in the comparative analysis of cultural values and orientation installations with The comparative analysis of value-orientation blocks of the Russian and Soviet models of mass culture is given, similar elements and fundamental differences are distinguished. The author examines in detail a number of values and reveals their content in the mass culture of the Soviet model and the modern model. The author argues the relevance of the problem of mass culture in the modern conditions of Russian society, as well as the need for a detailed study of the mass culture of the Soviet model, which is important for a large part of the population.

For citation

Pyatakov D.V. (2018) Problemy formirovaniya massovoi kul'tury v kontekste transformatsii tsennostei v postsovetsoi Rossii [Problems of mass culture formation in the context of values transformation in post-Soviet Russia]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (3A), pp. 70-79.

Keywords

Mass culture, mass consciousness, basic cultural values, individual consciousness, philosophy.

References

1. Benjamin V. (2001) *Moskovskii dnevnik* [Moscow diary]. Moscow.
2. Dobrenko E. (2007) *Politekonomiya sotsrealizma* [Political economy of socialist realism]. Moscow.
3. Geller M. (1985) *Mashina. Vintiki* [Machine. Screws]. London.
4. Golomshtok I. (1994) *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Moscow.
5. Grishin I.S. (2014) *Pokolenie 90-kh: effekt khameleona (sotsiokul'turnyi analiz)* [The generation of the 90's: the chameleon effect (sociocultural analysis)]. Moscow.
6. Groys B. (1992) *Utopiya i Obmen* [Utopia and Exchange]. Moscow.
7. Kuznetsova E.I. (2004) Otechestvennaya istoriografiya kul'tury: istoriya i perspektivy razvitiya [Domestic historiography of culture: history and development prospects]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 5, pp. 146-168.
8. Lebedeva V.G. (2007) *Sud'by massovoi kul'tury v Rossii* [The fate of mass culture in Russia]. St. Petersburg.

-
9. Papernyi V. (1983) *Kul'tura – dva* [Coulture 2]. Michigan.
  10. Razlogov K.E. (1992) *Kommertsiya ili tvorchestvo: vragi ili soyuzniki?* [Commerce or creativity: enemies or allies?]. Moscow.
  11. Ryklin M. (2002) *Prostranstva likovaniya. Totalitarizm i razlichie* [Spaces of exultation. Totalitarianism and difference]. Moscow.
  12. Sokolov E.G. (2001) *Analitika masskul'ta* [Mass culture analysis]. St. Petersburg.
  13. Thomas U., Znanetskii F. (1994) *Metodologicheskie zametki. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [Methodological notes. American sociological thought]. Moscow.
  14. Weber M. (1994) *Obraz obshchestva. Izbrannoe* [The image of society. Selected works.]. Moscow: Yurist Publ.
  15. Zorkaya N.M. (2001) *Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 70-kh godov kak sistemnoe delo* [The artistic life of Russia in the 70's as a systemic matter]. Moscow.